

Алексей ФУНТ

НИТКИ ПОПЕЛИЦ

В небе копну месяц-секач рылом копает. Буря осенняя. По заливку пробегают струи ветра. Меня ветерок шинелью своей касается. Это там над болотиной в зарослях козьей ивы буруны и буран. Летят соломенные былки. Буровит землю осень-вепрь. Так свежо, что пей, как ключевую воду, ненастье. Мелом месяца вымазана туча-вол.

Носил тюки, а теперь сижу на одном из них. Перед двором целая гора тюков прямоугольной формы, уложенных друг на друга. Каждый тюк имеет вес от 20 до 40 килограммов. Пахнет тюковое сено полями, а кошка обнюхивает их, чует полевую мышь. Я ношу тюки по одному, затаскиваю во двор, а затем в сарай. Двор погружен в тёмные сумерки.

Горит тускло фонарь на фронтоне. Где-то за деревней в темноте чернеет черню чёрной гороховище. Поникло. Опочивальня князя там была, быть может. Ныне холодный ветер, солома. Олений крик, гон. Клыга из туч иногда пролётится. Умолкнет ветер и заново застонет.

Я уже перенёс половину этой горы тюкового сена. Моя тропа покрыта мякиной. Под навесом пучки лекарственных трав вянут подвязанные. А за забором во мгле тьмы родниковый край затерян под жёлтой листвой. Смотрит всё печально. Микула Селянинович в этих полях, в чёрных венах чернозёма. Смотришь на пахоту и веришь, там он. И былины русские вспомнишь. Гладки руками поднимаешь, из них тепло исходит, русское прошлое былинное.

За камышами лобзанье глины. Бывало, коршун взвился вверх, а я там стою под иссиня-чёрными тучами-прессами, под крицей туч. Редколесье на белёдые родники накинulo тулупы из прелой листвы.

Не заметил я, как почти все тюки оказались в тёмном сарае. Остался десяток. Я сел на это прессованное сено. Тюки увязаны туго. Кошки принохиваются и ищут в соломе мышей.

Смотрю в сторону погоста. Там что-то чёрное движется. Ба! да это же дикие кабаны, плетутся куда-то. За сельской окраиной глухой овраг с дубками на склонах. Жёлуды в ручье под ними.

Хочется посмотреть на них поближе. Сижу на тюке и размышляю о них и идти ли... Они удаляются, уходят в глухой ров. Прошли мимо места, где когда-то стоял чай-то дом. То пепелище, заглохло и забыто. Кабаны — как души чьи-то, к желудям торопят-ся. Ветер — как пепел то ли горячий, то ли холодный на горячую шею падает и становится горячим.

Сижу на тюке, грущу, словно товарищ осени этой я. Фурта из жёлтых листьев забивает глазницы роц сырцом, кружит кого-то над пустыми дорогами. Тумана игра, конские головы, бег коней, вождь степной, стремена — он нагар, тлен эпох и тмин он.

И вот тюки все уже в сарае, решаю пройтись вслед за тем стадом диких свиней. Пока иду, вспоминаю гнедую или белую лошадь. Когда мне было мало лет, меня посадили на лошадь. Без седла, без упряжи, я вцепился в гриву, она несёт меня, переходит на бег, а я — словно гунн, думаю, что я гунн. Отдаюсь ветру, где-то в земле тиара из драгметаллов, а в ней червь сидит. А я купаюсь в ветре.

— Держись крепче, — мне вслед кричат.

— Давай останавливайся, упадёшь же, — говорят далеко позади.

Вокруг бесконечная равнина, где-то хутор стоял, а ныне пустырь, где-то вижу камни под мхом, вольные травы вижу, а вон там где-то Подтёлков стоял до последнего за советскую власть. Смотрю так вокруг себя. Нагайка в руке, руины старого коровника, овцы, овечий пот, и лошадь меня несёт вперёд. То было ростовское детство.

Эта осенняя погода напомнила мне ту лошадь, так же гривой-ветром трясёт и несётся куда-то.

Мелькнул огонёк над курганом, как окалина под молотом кузнеца, и потух.

Справа за болотом когда-то кузница стояла, а сейчас коростель там плачет. Камни от кузны потонули в болотном дёгте. А в глее азиатские очи у руды, а бутры за ивами как груди. В одном из них русский рыцарь казак Пальвода лежит. Фляга алюминиевая над родником сплюснутая лежит. Рессора торчит. Выпи крик. А рессора от кареты екатерининских времён. Не от кареты ли самой императрицы? По большаку поблизости она проезжать когда-то могла. Осень в полусне унесла ту карету. Осенняя дымка — как сновиденье.

Чахлое чёрное поле. Печаль, как чумное пятно, горит в груди. Птица падает в поле и вновь взлетает над вялой осенней ботвой. Капустный кочан серпом санскритского Ямы срезан. В бескрайние поля грустно глядит компостная куча. На грустный стог села птица Гамаюн. Из жбана сентября, октября и ноября барда льётся на поля. Ворона — кочерга, а её кар — древний перегой.

Древнерусская хроника на днах ручьёв и родников. Где-то на дне Ростислав, воспалённая кровь окислилась давно, кольчуга тлеет. Из земли всё так же исходит дух силы, до ностальгической боли прошлое руку тянет и колет в душе, и не забыть истории родной. И Ослябя пред глазами. Земля-история в нас.

Тучи табуном под Мясоедово побежали. А имя Андурри так же звучало в древних ямах шаманских здесь. Чары деет непогода. Кто-то в холоде свою Мэри помянул когда-то давно у камина, в такую колючую сырость, в такие дни-гамлеты, и за неё пил.

Не потушит глаза свои Россия никогда. Гзак-загребаст в её почве растворился, в котле бытия, в тигеле расплавилась она аркебузы ятвягов и тевтонскую броню. Закалена веками. Окислы и чары прошлого. Пшеница прошлого в чарах, пиры дружины Мономаха... в её почве-чреве... её история манит.

Глина — становья, глина — жеребцы из конюшни Аттилы. Степные цветы горят в глине. В глине кар звучит, в нём древней старухи слова к гуннскому вождю: «Аттила, топчи их рай». Древний монолог застыл в почве.

А Россия — вечный пахарь. Любить её земледельческому культу приверженность и с нею грустить душа желает.

Вот я уже над глухим яром, а диких свиней не видно, ушли они. Почуяли человека. Ни души вокруг, ночная тишь, кориандровая ночь. Вздыхает сыч на старом пепелище. Мимо него снова мне идти назад до камина или очага лачужного. «Сожжённое письмо» Пушкина читать.

Ночь, как болотная курочка, просит махан копчёный у ветров, у попелиц. Пахнет гарью из громобоя, полого ствола ракеты. Что там за пологом, заглянуть болотная курочка норовит, что там в конце веков, хочет узнать, в камышах копается. Всё хрупко, как нитки попелиц.

Осень — как дым кизяка. Осень — ханша. Я иду до калитки, а над головой кое-где звёзды появились сквозь громады туч. Как дирхемы, рассыпаны звёзды. Фонарь потух. Упал с вяза лист, двуручной пилой ветер прогудит порой. Декабрь угрюмый пройдёт, снова жёлтый свет лета придёт. Сезоны кружат нас, как птицы. Всё повторяется, всё вечно. Яркий и жёлтый месяц изок, и цикады вновь погрузят в море света.